

выми в целом. Возвращаясь к вопросу об истинности, проблему можно изложить теперь следующим образом: предположим, мы вступили в общение с человеком, говорящим на непонятном для нас языке, и у нас имеется определение истинности, сформулированное в духе Тарского; можем ли мы в таком случае судить о применимости этого определения к данному языку? Вопрос закономерный, однако на него нельзя найти ответа в рамках конвенции, предложенной Даммитом, так как, по моему мнению, в языке нет ничего, что соответствовало бы должным образом феномену выигрыша в игре. Это весьма важно, так как, если Даммит прав, установление в языке каких-то свойств, аналогичных характеристике выигрыша в игре, означает установление решающей связи между значением, как оно определяется в теории истинности, и использованием языка в общении.

Таким образом, концептуализация понятия результата и конвенциональности в целом может быть интерпретирована в качестве переходного мостика от абстрактных семиотических моделей языка к коммуникации как конкретному действию.

Литература

1. *Блинов А.* Общение, звуки, смысл. М.: РФО, 1996.
2. *Ветров А.А.* Семиотика и ее основные проблемы. М.: ИПЛ, 1968.
3. *Норман Б.Ю.* Язык как система знаков // Основы языкознания. Минск: Бел. Фонд Сороса, 1996. С. 7-49.
4. *Соломоник А.* Семиотика и лингвистика. М.: Молодая гвардия, 1995.
5. *Де Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
6. *Пирс Ч. С.* Избранные философские произведения. – М., 2000.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА В СТРУКТУРНОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ ЖАКА ЛАКАНА

Е. И. Сурина

Проблема субъекта признается магистральной, а некоторыми исследователями конституирующей и организующей формирование современной французской философии. В современной философии употребление концепта субъект (*sujet*) проблематизируется в связи с его полисемантической (сочетанием в нем значений предметности, субъективности и подчиненности), привнесенной удвоенной латинской этимологией (на основе существительного среднего рода *subjectum* и существительного мужского рода *subjectus*). Внедрение концепта субъект в философский дискурс имплицировало комплекс проблем, сущностная характеристика которых заключается в направленном подведении к двум отдельным парадигмам толкования субъекта. В первом случае логико-онтологическая и одновременно политико-юридическая коннотация *sujet* акцентируется в систематическом исследовании «подчинения подданного». В другом случае – свя-

зи между способом существования субъекта и кодексом законов или властью рассматриваются исключительно под углом зрения онтологии свободы, противопоставляемой природе [1]. В таком контексте современная французская философия акцентирует значение подчиненности субъекта (*l'assujettissement du sujet*) в противоположность утверждаемой философской классикой суверенности, рассматривая проблему субъекта не столько как проблему основания когнитивного опыта или как вопрос противоположности природы и свободы, но как результат становления или соотношения различных практик, в частности дискурсивных, властных сил и стратегий. Модель субъекта, представленная в структурном психоанализе Жака Лакана представляет собой одно из самых оригинальных решений проблемы определения статуса субъекта как субъекта подчиненного, которое не сводит подчиненность к удвоенной этимологии или результату воздействия внешних стратегий, но укореняет ее в самой сущности субъекта как субъекта говорящего и субъекта желания. В этом отношении позиция Лакана может быть зафиксирована в следующем высказывании: «С использованием языка связан тот основополагающий для аналитического опыта факт, что субъект является субъектом – в правовом значении этого слова, подданным – постольку лишь, поскольку платит свою дань в области Другого, поскольку само начало свое берет в синхроническом подданстве своем Другому» [3, с.200].

Проблематизация Лаканом субъекта исходит из утверждения подчиненности субъекта означаемому и специфической роли желания в структуре субъективности, при этом желание понимается именно как результат воздействия означаемого на означаемое, которым и задается сам способ существования субъекта. Данный тезис конкретизируется следующим образом:

Субъект должен быть понят как эффект означаемого, поскольку природа последнего заключается в представлении субъекта другому означаемому: «Возникновение означаемого в поле Другого приводит к возникновению субъекта его значения. Но означаемое не способно, однако, функционировать как таковое, не сведя субъект в то же мгновение к чистому означаемому, не фиксируя его намертво тем самым движением, которое его же, этот субъект, к действию и речи возвало. Это и есть, собственно, временное биение, кладущее начало тому, что лежит у истоков бессознательного как такового, – закрытию» [3, с.221-222]. Именно утверждением фундаментальной подчиненности означаемому имплицированы такие атрибуты лакановского субъекта, как децентрированность и отчужденность. И в этом смысле проблема субъекта как раз и заключается в том, что, во-первых, субъект порожден языком, отношением одного означаемого к другому, и вследствие этого есть, прежде всего, субъект бессознательный. Во-вторых, такая природа субъекта и обусловленный им статус подчиненного маскируется иллюзией изначальности и су-

веренности, характеризующей собственное Я как результат воображаемой и символической идентификаций.

Образование структуры субъективности проходит через механизм, под действием которого желание с самого начала моделируется условиями требования, при этом желание субъекта – это желание Другого. Другой как место речи, как тот, кому желание адресуется и от произвола которого зависит, будет ли оно удовлетворено, становится также и местом, где должен быть открыт подходящий способ это желание субъекта артикулировать. Более того, поскольку Другой предстает предварительным местоположением субъекта означающего, поскольку, иными словами, субъект конституируется кодом, то даже от самого субъекта исходящее сообщение он получает от Другого.

Лакан рассматривает триаду потребности, требования, желания, подчеркивая при этом несводимость желания к двум другим членам триады и утверждая, что все, что происходит по ту сторону требования, происходит в бессознательном. Формирование требования есть первичный механизм включения человека в язык и мир культуры: природа требования, т.е. вербализация потребности, и порождаемые им эффекты, в сущности, аналогичны воздействию означающего на субъект.

Другой, поскольку субъект существует в языке, создает сообщение. Это и есть механизм возникновения требования. Сообщение при этом определяется Лаканом как означаемое Другого, как то, что в Другом для Я субъекта приобрело достоинство означаемого, знаки отличия. Иными словами, требование формируется в Другом и в тех терминах, в каких Я кажусь Другому привлекательным, а мое требование удовлетворительным. В отношении этих знаков отличия возникает символическая идентификация, результатом которой становится образование Идеала Я. Однако то, чего субъект действительно желает, в сказанном нет. Особенность существования желания в языке заключается в том, что «желание как раз тем и артикулировано, что артикуляции не поддается» [2, с.159]. Последний тезис демонстрирует парадоксальную сущность желания: формируясь только в языке как эффект артикуляции человеком потребности, оно в то же время принципиально не поддается артикуляции сознательной. Поэтому расщепление субъекта задается зазором между требованием (сознательной артикуляцией, тем, что признано Другим, следовательно, и моим собственным Я) и желанием (отсутствием артикуляции сознательной, тем, что не признано ни Другим, ни моим Я).

Данное понимание желания, таким образом, указывает на специфику проблематизации Лаканом субъекта – не только как подчиненного означающему, но как изъясн означивания, знаковой репрезентации субъекта. Этот тезис можно конкретизировать следующим образом: субъект обнаруживает себя как желание или субъект обнаруживает несоответствие артикулиро-

ванного желанию, обнаруживает нехватку артикуляции и именно фиксации самого несоответствия знаковой репрезентации желанию, в конечном счете – означающего означаемому, конституируется.

Литература

1. *Балибар Е., Кассен Б., Либера А. Sujet* // Европейський словник філософій: Лексикон неперекладностей. Том перший/ Під керівництвом Б.Кассен. К., 2009. – С. 148-173.
2. *Лакан Ж. Ниспровержение субъекта* // Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда/ Пер. с фр. А.Черноглазова, М.А.Титовой. М., 1997. – С.148-181.
3. *Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинар, Книга XI (1964))* / Пер. с фр. А.Черноглазова. М., 2004. – 299, [3]с.

ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

О. А. Шершнева

Социальная нестабильность и напряженность в условиях глобализационных процессов признается сегодня «неоспоримым фактом, меняющим лицо современного мира» [1, с. 10]. Социальный мир является по-прежнему достаточно проблемным, сотканным из разного рода противоречий, проявляющихся в тотальной дифференциации мирового пространства. В этом плане достаточно ярко заявляет о себе геополитический ракурс, который акцентирует внимание на исследовании социодинамики, конфликта солидаризма и изоляционизма, по-разному изменяющих контуры жизненного пространства.

Геополитика является объектом пристального внимания политологов, социологов, философов. Классик геополитической мысли Рудольф Челлен определяет геополитику как «доктрину, рассматривающую государство как географический организм или пространственный феномен» [2, с. 7]. Немецкий исследователь Карл Хаусхофер понимает ее как «географический разум государства» [3, с. 8], усматривая тесную связь геополитики с географией. Более обстоятельное определение данному феномену дает К. Э. Сорокин, различая «фундаментальную», изучающую развитие геополитического пространства, и «прикладную» геополитику, вырабатывающую принципиальные рекомендации относительно генеральной линии поведения государств на мировой сцене. Причем последнюю Сорокин считает возможным именовать «геостратегия» [3, с. 8]. Поздняков Э.А. считает, что предметом исследования геополитики является «использование государствами пространственных факторов при определении и достижении политических целей» [4, с. 3]. Обобщая представленные дефиниции геополитики, можно сказать, что все они так или иначе страдают редуционизмом, сводя геополитику к дисциплине поли-